

Нравоучение в творчестве Димитрия Ростовского (от «Руна орошенного» до «Келейного летописца»)*

Марина Федотова

Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Moralising in Dimitri Rostovsky's Works (from *The Dewy Fleece* to *The Cell Chronicle*)

Marina Fedotova

Institute of Russian literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

The author of this article proposes to consider moralising in Dimitry Rostovsky's work as a separate narrative, which has a certain set of genre characteristics. Many sermons delivered by Metropolitan Dimitry can be analysed not only from the point of view of sermons glorifying a church holiday or an Orthodox saint but also from the standpoint of writings aimed at educating and raising the moral level of both the flock and pastors. The author of the article especially highlights two epistles addressed to priests dedicated to the sacraments of Confession and the Eucharist, in which Dimitry Rostovsky acts as a true spiritual teacher. These instructive literary epistles, as a type of Slavic bookish rhetoric, are similar in style to the metropolitan's sermons, but carry a much more pronounced moralistic load. *Apology for the Soothing of Sorrows of a Man Who Is in Trouble, Persecution, and Bitterness...* (1696) also belongs to the spiritual writings of Dimitry and its apology is close to moralising. Starting with the first works of Dimitry Rostovsky, such as *The Miracle of the Most Holy and Blessed Virgin Mary* (1677) and *The Dewy Fleece* (1683) and ending with *The Cell Chronicle* (1707–1709), moralising becomes a special narrative (sometimes marked, as in *Miracles...* and *The Dewy*

* Citation: Fedotova, M. (2022). Moralising in Dimitri Rostovsky's Works (from *The Dewy Fleece* to *The Cell Chronicle*). In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1420–1437. DOI 10.15826/qr.2022.4.738.

Цитирование: Fedotova M. Moralising in Dimitri Rostovsky's Works (from *The Dewy Fleece* to *The Cell Chronicle*) // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1420–1437. DOI 10.15826/qr.2022.4.738 / Федотова М. Нравоучение в творчестве Димитрия Ростовского (от «Руна орошенного» до «Келейного летописца»). 2022. Т. 10, № 4. С. 1420–1437. DOI 10.15826/qr.2022.4.738.

Fleece). Their content is an explanation of the causes of human sins, a call through repentance for a virtuous life, and the glorification of the blessings of the Lord. The moralising not only has a clear internal structure in the form of small texts that interpret miracles by presenting quotes and images borrowed from the Holy Scripture and the writings of the holy fathers, but they also occupy an important place in the composition of the early books, turning into a kind of an epiphonema of each miracle. *The Cell Chronicle* was created in the same way. Along with the presentation of biblical history and its interpretation, moralising is an integral part of the work. However, the instructions of *The Cell Chronicle* concerned not only general Christian topics, but they were also occasional; reflecting the circumstances of everyday life, they were close to the texts found in the *Statir* collection created in the Urals in the late seventeenth century.

Keywords: Old Russian literary culture, Dimitry Rostovsky, moralising, teaching, genre, narrative, Baroque

В статье предлагается рассмотреть *нравоучение* в творчестве Димитрия Ростовского как отдельный нарратив, имеющий определенный комплекс жанровых характеристик. Многие произнесенные митрополитом Димитрием проповеди могут быть проанализированы не только с точки зрения поучений, прославляющих тот или иной церковный праздник или того или иного православного святого, но и с позиции сочинений, направленных на воспитание и повышение нравственного уровня как паствы, так и пастырей. Особенно выделяются два послания иереям, посвященные таинства исповеди и евхаристии, в которых святитель выступает в качестве истинного духовного учителя. Эти учительные литературные послания как разновидность книжно-славянской риторики близки по своей стилистике к проповедям митрополита, но несут гораздо более выраженную нравоучительную нагрузку. К нравственно-духовным сочинениям Димитрия, как показывает автор статьи, относится «Апология во утление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении...» (1696), апологемы которой также близки к нравоучениям. Начиная с первых сочинений Димитрия, таких как «Чуда Пресвятой и Преблагословенной Девы Марии» (1677) и «Руно орошенное» (1683), и заканчивая «Келейным летописцем» (1707–1709), нравоучение в творчестве святителя является особым (иногда маркированным, как в «Чудах» и «Руне») нарративом. Их содержание – это объяснение причин грехов человеческих, призыв через покаяние к добродетельной жизни и прославление благодеяний Господних. Нравоучения не только имеют четкую внутреннюю структуру, представляя собой небольшие по объему тексты, толкующие чудеса нанизыванием цитат и образцов, заимствованных из Священного Писания и сочинений святых отцов, но и занимают важное место в композиции ранних книг Димитрия, превращаясь в своего рода эпифонемы каждого чуда, оттеняющие смысл сказанного. По такому же типу создан и «Келейный летописец» Димитрия Ростовского: нравоучения наряду с изложением библейской истории и ее толкованием являются неотъемлемой частью памятника. Однако настав-

ления «Келейного летописца» касались не только общехристианских тем, они имели окказиональный характер, отражали обстоятельства, с которыми ростовский митрополит сталкивался в повседневной жизни, сближаясь в этом с текстами, входящими в сборник «Статир», созданный в конце XVII в. в Приуралье.

Ключевые слова: древнерусская книжная культура, Димитрий Ростовский, нравоучение, поучение, жанр, нарратив, барокко

Ораторская проза Димитрия Ростовского (1651–1709), которого называли «российским Златоустом», одна из важнейших составляющих творческого наследия писателя: ему принадлежат более ста проповедей, написанных почти на все праздники подвижной и неподвижной частей церковного календаря. Поучения святителя читаются в основном в многочисленных сборниках [Федотова, 2020] (при этом автографов с проповедями митрополита сохранилось немного) и изданиях¹; имеются также свидетельства современников о произнесении Димитрием поучений², особенно много таких записей в «Диариуше» и «Епистоляре», сочинениях дневникового типа³.

Кроме прославления того или иного православного святого или церковного праздника, главную задачу своих поучений святитель Димитрий видел в просвещении и воспитании прихожан и духовенства. Однако, как он сам выразился в письме Федору Поликарпову-Орлову от 8 ноября 1708 г. при характеристике «Келейного летописца», произнесение проповедей было не единственной формой повышения нравственного уровня паствы и пастырей:

Моему сану (его же нѣсмь достоин) надлежит слово Божие проповѣдати не точию языком, но и пишущею рукою. То мое дѣло, то мое звание, то моя должность. Пишу, убо Господу поспѣшествующу, нравоучения, мѣстами же и толкования Писания Святаго, елико могу, немощный [ГИМ. Синод. собр. № 81. Л. 9 об.].

Важной в данном контексте является обязанность писать *нравоучения*, адресованные аудитории, то есть заниматься делом просвещения не только посредством проповеди, но и при помощи письменного слова.

Нравоучение, в отличие, например, от проповеди, в литературоведении не является жанровой категорией. Согласно словарям русского языка, понятие «нравоучение» имеет следующие дефиниции: '1) по-

¹ Первое собрание проповедей Димитрия Ростовского см.: [Димитрий Ростовский, 1786].

² Нужно отметить, что ни сам Димитрий Ростовский, ни писцы его скриптории, ни переписчики рукописей, ни издатели не дифференцировали понятия «проповедь»/«поучение»/«слово» и использовали все три написания, то есть можно говорить о характерном для данного жанра синкретизме.

³ См. публикацию текстов: [Федотова, 2022b, с. 465–533].

учение, внушение нравственных правил, наставление; 2) часть литературного произведения, заключающая мораль' [Толковый словарь]. В задачу нашей статьи входит показать, что нравоучение в творчестве Дмитрия Ростовского соотносится не только с проповедью/поучением, являясь «наставлением, внушением нравственных правил» (в этом значении оно тоже имеет богатый контекст), но также является самостоятельным значимым нарративом в составе письменного текста (литературного произведения).

В самой природе проповеди в той или иной степени заложена дидактическая функция, и почти все произнесенные митрополитом Дмитрием слова отчасти являются наставлениями или имеют фрагменты, в которых содержится нравоучение, например, о праведности и благочестии («Поучение на память святого Симеона Богоприимца»), о пастырях и овцах («Поучение на память святителя Тихона Амафунтского»), о телесном и духовном мученичестве («Поучение на день памяти святых мучеников Адриана и Натальи»), о богатстве и бедности («Поучение в неделю 22 по Пятидесятнице») и т. д.

В этом ряду нужно обратить особое внимание на два учительных послания ростовского митрополита к иереям. Тексты посланий иереям известны в большом количестве списков, неоднократно издавались, в том числе в собраниях сочинений Дмитрия Ростовского, они сохранились также в прижизненной авторизованной рукописи святителя, датируемой 1705 г.: ГИМ. Синод. собр. № 147, л. 329–338 (второе послание), 340–344 (первое послание) [см.: Протасьева, с. 37–38]. Первое послание посвящено рассмотрению таинства исповеди и практике духовничества, второе – таинствам евхаристии, покаяния в церковной жизни.

Данные послания митрополита являются не столько обращением к пастве, сколько увещанием клириков, выражением стремления поднять нравственный уровень именно духовенства, своего рода нравоучением, адресованным священнослужителям Ростовской епархии и репрезентированным через толкование церковных таинств. Эти два типа текста – толкование и нравоучение – как формы раскрытия, разъяснения заданной темы в сочинениях Дмитрия Ростовского тематически, композиционно и стилистически очень близки, и часто они трудно отделимы друг от друга.

В первом послании Дмитрий Ростовский поднимает один из главных вопросов и обличает одно из самых больших нарушений, которое допускали духовники Ростовской епархии, – нарушение тайны исповеди: «Доносится слуху нашему о нѣких между вами попах неискусных и злонравных, иже дѣтей своих духовных исповѣданныя грѣхи изявляют, обличают...» [ГИМ. Синод. собр. № 147. Л. 340]. Священник, как показывал Дмитрий Ростовский, это служитель церкви, совершение таинства исповеди – это лишь одно из его служений, и он не должен тщеславиться, а тем более злоупотреблять своей властью над духовными детьми. Именно на это выявленное со сто-

роны клириков-духовников епархии нарушение со всеми не свойственными ему в обычной жизни страстью и темпераментом обрушился Димитрий Ростовский:

О, духовниче неискусный, злый обличителю дѣтей своих духовных, разорителю тайны Божия, соблазнителю мира и виновниче пагубы многих душ челоуѣческих! Почто исповѣданные грѣхи и уже прощенные паки на среду приводиши? Почто Богом покровенная и потаенная, открывая, являеши? Почто блато омовенное паки наносиши на омовенных? Почто скверниши очищенных? [ГИМ. Синод. собр. № 147. Л. 342].

Ссылаясь на авторитет киево-печерских старцев в первом послании и на ряд положений «Требника» Петра Могилы во втором послании (статьи «О достоудолжной чести и боголѣпном поклонении подобающом божественным тайнам тѣла кровѣ Господней», «О хранении божественных таин болных ради», «Устав, от еже кака причастити болнаго вѣскѣ»), святитель Димитрий показывает, что во взглядах на таинства исповеди и причастия он следует за киевской могилянскою традицией, именно к ней он стремится приобщить клириков своей епархии. Суммируя изложенное в увещании Димитрия Ростовского (в двух его посланиях иереям), можно сказать, что таинствам покаяния и евхаристии он отводил центральное место в церковной жизни, указывая, что предназначение священника – «быть представителем Церкви Христовой в миру, очищая прихожан от грехов в таинстве покаяния и причащая очищенных за литургией» [Крылов, с. 317]. При этом Димитрий явно был сторонником регулярного, частого, не менее четырех раз в год участия в этих таинствах:

Еще же и вся люди паствы своя да увѣщеваает иерей к частому святых таинств причащению и всячески да тщится привести я к тому, вѣдуци извѣстно, яко всяк, не причащайся Христа, нѣсть христианин, и вся добрая дѣла таковаго ни во что же суть пред Богом, и уже таковый жив погибе... [ГИМ. Синод. собр. № 147. Л. 333].

«Возболѣзновах о том сердцем попремногу», обнаружив, в каком «непочитании» может «храниться тѣло Христово» [Там же. Л. 330] (святитель пересказывает в одном из посланий произошедшую в 1702 г. встречу с нерадивым иереем), и увидев в этом эпизоде мрак невежества, Димитрий Ростовский, вероятно, по горячим следам написал увещание, отправив послания из Ростова в Ярославль вместе с сопроводительным письмом к иеромонаху Иосифу, заместнику Архиерейского дома в Ярославле⁴:

⁴ Послание Димитрия Ростовского иеромонаху Иосифу сохранилось в прижизненном списке [ГИМ. Синод. собр. № 811. Л. 252–255]. Сборник датируется 1704 г., см.: [Протасьева, с. 39–40]. Послание известно нам еще в одном списке [БАН. Собр. Археографической комиссии. № 156. Л. 226 об. –231 (8°, XVIII в.)].

...написахом увѣщание наше архиерейское, обще ко всѣм иереом, и послахом то к тебѣ. Ты же, коко сие писание к тебѣ приидет, призови всѣх попов ярославских на наш архиерейский двор и повели увѣщание наше им прочести во услухание всѣм, и, прочет, прикажи, чтоб всяк иерей съписал себѣ и имѣл у себѣ [ГИМ. Синод. собр. № 811. Л. 252 об.].

Иеромонах Иосиф выполнил наказ архиерея, послания к иереям Димитрия Ростовского разошлись в большом количестве списков и получили огромную популярность.

Эти учительные литературные послания как разновидность книжно-славянской риторики близки по своей стилистике к проповедям митрополита, но несут гораздо более выраженную нравоучительную нагрузку. Они написаны по всем правилам риторической науки, их стиль и язык – яркие, эмоциональные, образные, что является отличительной чертой почти всех сочинений святого Димитрия. Все это, а также огромная эрудиция автора делали его творения самыми популярными и переписываемыми среди современников.

К нравственно-духовным сочинениям Димитрия Ростовского относится и «Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении...» (первое издание – Чернигов, 1696), она представляет собой диалог между скорбящим человеком и утешающим его старцем, апологемы которого, состоящие исключительно из цитат Священного Писания, что важно подчеркнуть, близки к нравоучениям. Например:

Что без воли Господней бывает, рцы ми? Без воли Отца небеснаго «ни едина птица падет на земли» (Мф 10 : 29), речено во Евангелии; без воли Его и «влас главы не погибнет» (Лк 21 : 18). Не мни убо, яко от злобы челоуѣческа, но от произволения Господня терпиши. Сице бо Господь творит, якоже отец, егда хоцет своего наказати сына, приемлет бич в руцѣ и чадолюбнѣ биет, таже наказав елико восхотѣ, отметае бич, а сына любезнѣ объемяет. <...> Сице убо и ты разумѣй, о любимиче мой! Яко нынѣ восстающии на тя Божиим попущением челоуѣцы суть аки бичь в руку Господню, имже ты наказует до времени: будет же время, егда восхоцет Господь явити тебѣ милость Свою, тогда узриши бичь той, испадашь от руку Божию, и отметнут... [Димитрий Ростовский, 1839, т. 1, с. 195–196].

Источником многих сочинений Димитрия Ростовского, воспитанника Киево-Могилянской академии, писателя эпохи барокко, были латиноязычные книги. Свяtitель хорошо знал западную схоластическую литературу, однако источником вдохновения для его нравоучений являлись, за редким исключением, только Священное Писание и святоотеческая литература, из которых он заимствовал цитаты, образы, сюжеты.

В богатом творческом наследии святителя Димитрия нравоучение читается не только в проповеди, но и встречается как самостоятельный нарратив или как отдельная маркированная часть повествования, обладающая определенным набором жанровых характеристик, хотя, безусловно, квалифицировать их как тексты определенного жанра вряд ли возможно. Такие тексты, наставляющие читателя, имеются уже в самых ранних сочинениях Димитрия Ростовского – книге «Чуда пресвятой и преблагословенной Дѣвы Марии, дѣючиися от образа Еи чудотворного в монастыру святого славнаго пророка Илии Чернѣговском» (далее – «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии»), изданной в 1677 г. в Новгороде-Северском, первом из дошедших до нас сочинении Димитрия Ростовского, и в созданной на ее основе книге «Руно орошенное» (первое издание – Чернигов, 1683).

Обе книги посвящены описанию чудес, произошедших от образа Ильинской Божьей Матери (день празднования – 16 (29) апреля). Икона была написана в 1658 г. иконописцем Григорием (Геннадием) Константиновичем, «маляром Дубенским» с Волыни [Адрут, с. 72], для местного ряда иконостаса Ильинской церкви⁵ и стала главной святыней Болдинского во имя святой Троицы и пророка Ильи мужского монастыря, основанного преподобным Антонием Печерским во второй половине XI в. [Болдинский во имя святой Троицы и пророка Божия Ильи мужской монастырь]. Разоренный во время монголо-татарского нашествия монастырь был восстановлен в 1649 г. старанием ктитора Стефана Пободайлы при игумене Зосиме (Тишевиче), при котором и была написана Ильинская икона Божьей Матери и при котором она начала чудотворить⁶.

При всех структурных отличиях обе книги имеют одно сходство – в описании каждого чуда читается нравоучение, которое выделено и обозначено как отдельное повествование.

Композиция книги «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» кажется еще несовершенной. Так, после описания первого чуда следуют шесть небольших нравоучений, при этом каждое нравоучение начинается со стихотворного двустихия, например: «Чем, сыне, медлиш в пути прездолгое время? // Маги плачет, вернися, здойми плачу бремя» [Димитрий Ростовский, 1677, л. 5 об.]; «Кто о грѣшных восплачет, прогнѣвавших Бога? // Аще не Дѣва, к нимъже Ея милость многа» [Там же, л. 6 об.] и т. д. Все остальные чудеса (всего 22 чуда) сопровождаются одним нравоучением и не имеют синтагматических эпиграфов. С другой стороны, выделение первого чуда и окружение его шестью нравоучениями обусловлены его значимостью. Это главное чудо (относится к 1662 г.), которое произошло от иконы Ильинской Божьей Матери, – мироточение.

Вслед за книгой «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» было написано «Руно орошенное». «Руно орошенное» – это

⁵ Об иконографии см.: [Комашко; Адрут, с. 55–73].

⁶ См. о книгах подробнее: [Федотова, 2022a].

не редакция книги «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии», как справедливо отметил А. А. Круминг, «его следует считать новой книгой» [Круминг, с. 41]. Наиболее заметные различия между двумя книгами заключаются в следующем: «Чуда...» написаны на простой мове, а «Руно...» – на церковнославянском языке; в «Чудах...» – 22 чуда с нравоучениями, а в «Руне...» – 24⁷; к нравоучениям добавлены беседы и прилоги, которых нет в «Чудах...» [Там же]. При этом большинство нравоучений было переработано или даже написано заново: в «Предисловии к читателю» сказано, что «книжка» вышла с исправлением нравоучений и приложением «кратких бесед духовных».

Безусловно, эти книги, созданные Димитрием в период наивысшего расцвета барочной культуры на территории Украины и посвященные богородичной теме, одной из самых значимых в европейской средневековой культуре, не одиноки и стоят в ряду с сочинениями Илариона (Денисовича)⁸, Иоанникия (Галятовского)⁹, здесь же могут быть упомянуты труды Антония (Радивиловского) [Антоний Радивилловский], Кирилла (Транквиллиона-Ставровецкого) [Кирилл Транквиллион-Ставровецкий] и др. [Максимович]. Сказания о чудесах, происходивших от чудотворных богородичных икон, всегда являлись одним из самых плодотворных жанров западной средневековой литературы, широко и свободно проникая в русскую культуру, а в эпоху барокко на Украине этот жанр, расцветший на благодатной почве, отражал ее интеллектуальный, духовный и литературный уровень.

Однако книги Димитрия Ростовского, особенно это касается «Руна орошенного», существенно отличаются от сочинений своих предшественников и, возможно, от всей традиции сказаний о чудотворных иконах, это книги другого типа: к чудесам, как мы отмечали выше, в них добавлены в «Чудах пресвятой и преблагословенной Девы Марии» нравоучения, а в «Руне орошенном» – беседы, схожие по содержанию и стилистике с толкованиями, нравоучениями и прилогами. Беседы и нравоучения составлены самим автором, а прилоги собраны из разных источников. В «Руне орошенном» Димитрий Ростовский как мастер барокко виртуозно пользуется символично-аллегорической образностью как художественным языком эпохи. Уже в заглавии книги прочитывается образ Девы Марии как одушевленного руна Гедеонова, поясненный в беседе к первому чуду, и все 24 чуда от иконы Ильинской Божьей Матери, «собранные в число

⁷ Количество чудес объясняется сравнением с неким болящим клириком, который молился Богородице каждый час в течение суток, за что получил исцеление.

⁸ Сочинение Илариона Денисовича (Denisowicz Hilarion. Parergon cudow świętych obraza przeczystey Bogorodzice w monastyrze Kupiatickim) издано в качестве дополнения к изданию Афанасия (Кальнофойского) [Athanasius Kalnofoyski].

⁹ См.: [Иоанникий Галятовский, 1676]. «Скарбница потрібная» является одним из наиболее близких прототипов для книги Димитрия Ростовского «Руно орошенное» [Федотова, 2022а]. Книга Иоанникия (Галятовского) «Небо новое» также содержала чудеса Пресвятой Богородицы [Иоанникий Галятовский, 1665].

двадцати и четырех часов дневнонощных» (по определению автора), становятся, согласно правилам риторики и барочной поэтики, символической аллегорией: образ руна-Богородицы, обильно орошенный Божьей благодатью, сам орошает верующих по названию чудес росой любви, защиты, странников утешения, исцеления, устрашения врагов, озарения смыслов, слез избавления, узорешительства, росой силы, мучащей невидимых мучителей, и т. д.

В этом ряду нужно рассматривать и структуру «Руна орошенного», она отражает культуру барокко, гармонично вписываясь в ее контекст своей тенденцией к накоплению. В период зрелого барокко, как отмечает Л. И. Сазонова, «наблюдается ситуация, несколько отличная от Средневековья: жанровые формы разбухают, назревают, готовятся к перестройке, возникают суперформы – художественные произведения стремятся стать энциклопедическими сводами исторического и морально-поэтического знания» [Сазонова, с. 521]. Наличие нравоучений также показывает, что уже в первых книгах Дмитрия Ростовского вырабатывались его неповторимый авторский стиль и метод собирания, соединения в одном сочинении разных источников, сведений в назидание и поучение читателю. «И то не от себе, но что индѣ читал и, аки пчела, от различных зел мед в един сот собра, – пишет Дмитрий Ростовский в предисловии “К читателю” уже в издании “Руна орошенного” 1683 г. и продолжает: То уже и тыи, внимательный читателю, презри простых сих нравоучительных бесѣд, иже писахуся не во ино нѣкое тщетное намѣрение, но в самую Богу славу, Богородицы похвалу и душ людских преобрѣтению» [Дмитрий Ростовский, 1683, л. 2 об. –3].

Можно сказать, что по такому типу создан и «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского. Безусловно, в его основе лежит западноевропейская экзегетика, но к толкованиям и комментариям библейской истории добавлены нравоучения, что является отличительной от западных образцов чертой памятника.

В ранних книгах святителя Дмитрия нравоучения по своей структуре представляют собой небольшие по объему тексты, толкующие чудо посредством и нанизыванием цитат и образов, заимствованных из Священного Писания и сочинений святых отцов. Их содержание – это объяснение причин грехов человеческих, призыв через покаяние к добродетельной жизни и прославление благодетелей Господних.

Приведем начало такого нарратива из «Руна орошенного» к чуду 4, рассказывающему об исцелении от болезни ног:

Вси уклоняющиися от пути правого, не сохраняющии Завета Господня, хромы суть: охромоша от стезь своих, глаголет псаломник. Хромы же двояко: единоножно и обоножно. Единоножно тыи, иже яко храмаяй, ово простѣ станет, ово к землѣ преклонится. Тако оны: ово к добродѣтели обращаются, ово к злобѣ возвращаются, ово встают, ово паки падают, и аки двоими шествуют путми, о сицевых глаголет Сирах: Горе грѣшнику,

ходящу на двѣ стезѣ. Обоножно же хромы суть сии, иже единою падши, не хоцут никогда востати, но, углубше в тимѣния глубины, и отчаявшеся свего спасения, аки без ног, по землѣ суеты суетств ползают, смирися в персть душа их, прилпе землѣ утроба их...¹⁰

Нравоучения не только имеют четкую внутреннюю структуру, но и занимают важное место в композиции обеих книг: в «Чудах пресвятой и преблагословенной Девы Марии» они следуют сразу за описанием чуда, в «Руне орошенном» читаются между беседами и прилогами. Беседы, сравнимые с толкованиями, вводят читателя в «христианский» контекст, а прилоги собраны из разных источников. Среди них и средневековые авторы, писавшие на латинском языке, которые в основном и указаны самим Димитрием. Нравоучения же превращаются в своего рода эпифонемы каждого чуда, самостоятельные аккорды, являются «содержательным суждением, особым образом оттеняющим смысл сказанного», то есть «смысловым камертоном» текста [Тарасов, с. 225, 227].

Важную роль нравоучение играет в «Келейном летописце», работа над которым была начата, вероятно, еще на Украине, продолжена уже в Ростове, но так и не была завершена. Она была прервана необходимостью обратиться к другой теме и написать другое сочинение, отвечающее требованиям времени, а именно «Розыск о раскольнической брынской вере». Несмотря на свою незавершенность, «Келейный летописец» имеет богатую рукописную и издательскую традицию.

«Келейный летописец» – это библейская история, разбитая на столетия от сотворения мира до Иакова-Израиля (изложение 1–32-й глав Книги Бытия), иллюстрируемая толкованиями и сопровождаемая проповедями и нравоучениями, «включенная в повествование так называемая “история внешняя” – изложение истории государств Древнего Востока и античной мифологии, [которая] также снабжена обширными нравоучениями» [Волков, с. 3]. Жанровое своеобразие «Келейного летописца» отмечалось всеми исследователями творчества Димитрия Ростовского: «это одновременно всемирная хроника, учительное Евангелие, толкование Библии, история спасения человеческого рода, теологический трактат, глубоко риторический обличительный памфлет и сочинение проповедническое. Как цельное произведение „Летописец“ является, однако, независимым от всех названных жанров, хотя всем им принадлежит» [Броджи Беркофф, с. 204]. Нравоучения наряду с изложением библейской истории и ее толкованием являются неотъемлемой частью памятника, о чем святитель Димитрий отчетливо пишет в письмах своим друзьям: «А истории, яже в Библиах, токмо вократцѣ вѣмѣсто фемы полагаю, и от тѣх, аки от источников струи, нравоучения произвожду» (письмо Федору

¹⁰ Цит. по изд. «Руна орошенного»: [Димитрий Ростовский, 2009, с. 45]. Публикация осуществлена по изд.: [Димитрий Ростовский, 1697].

Полицарпову-Орлову от 8 ноября 1708 г.) [ГИМ. Синод. собр. № 81. Л. 9 об.]; «...docere, hoc meum intentum, tale desiderium, si non propter alios (nam quis sum ego ut docerem doctos?) saltem propter me ipsum»¹¹ (письмо Стефану Яворскому от 4 декабря 1707 г.) [Там же. Л. 3].

В отличие от книг «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» и «Руно орошенное...», Димитрий не выделяет и не маркирует в «Келейном летописце» нравоучения как самостоятельные повествования, но присутствие их в тексте столь очевидно и отчетливо, что писцы рукописей выносили нравоучения в особые оглавления, тем самым подчеркивая их значимость и важность для читателя: нравоучительное содержание памятника часто более всего привлекало читателя, и в этом, на наш взгляд, заключается разгадка его популярности. Причем статьи в этих оглавлениях далеко не всегда совпадали, каждый книжник видел и выписывал свой комплекс нравоучений, рассредоточенных среди ветхозаветных событий [ср.: Кириченко].

Приведем один пример такого оглавления:

О зависти нравоучение; О развращении христианского имени и жития; О краткости жизни сея и вѣчности будущия; О истинном покаянии и о дозволении достойном; О молитвѣ; О лютои казни огненной, хотящей грѣшником быти; О несообщении со злыми; О богоугождении и получении за то временых и вѣчных благ; О неизвѣстном часѣ смерти; О похвалении земледѣлства; Яко велие есть зло грѣх; О томже, яко велие есть зло грѣх; О небаящихся Бога чловѣцех; О изъявлении грѣховных обычаех; Яко страсти наши грѣховныя нам яко идолы; О познании своея немощи, познавается Бог; Яко полезни суть праведнии чловѣцы и о умалении праведных; Яко не видит Бога слѣпотствующий умом блудник; О пьянствѣ; О небаящихся Бога грѣшницѣх; О искушении Божии чловѣка; О любви к Богу; О странствовании жизни сея; Яко велий есть грѣх прелюбодѣяние; О кротости; О памяти смертной; О подаиянии препитания духовным; О возлагании упования на промысл Божий [РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4384. Л. 291].

Некоторые списки «Келейного летописца» вообще исключали историографическую и хронографическую составляющие текста, оставляя лишь нравоучения на темы Священного Писания и всемирной истории, таков, например, список [РНБ. Собр. П. П. Вяземского. Q.269], в котором читается только нравственно-духовная часть, то есть выписаны только нравоучения «Келейного летописца».

Такая картина наблюдалась и в первом издании памятника, осуществленном в 1784 г. Н. И. Новиковым: идейно-нравственное содержание «Келейного летописца» было крайне важно и вписывалось в программу просветительской деятельности Н. И. Новикова, а пото-

¹¹ «...поучать – вот мое намерение, таково желание; если не для других (ибо кто я, чтобы наставлять мужей ученых), во всяком случае для самого себя» (перевод наш. – М. Ф.).

му в оглавлении темы нравоучений были расписаны отдельно наравне с излагаемыми историческими и библейскими событиями. В издании выделены следующие нравоучения:

О отчаянии Каиновом, нравоучение; О имени христианина словом, или дѣлом, как подобает быти, нравоучение; О жизни человеческой, нравоучение; О покаянии Адамовом и грѣшника, нравоучение; Нравоучение и о ползѣ молитвы; О огнѣ в день страшный грѣшным, нравоучение; Сколько Сиф написал книг богоугодных и душеполезных, и польза их с нравоучением; Нравоучение о разлучении души от тѣла; О грѣхах человеческих, нравоучение; о Хамѣ, и нравоучение; О размѣянии Зароастра при рождении своем, нравоучение о жизни плачевной; Нравоучение о страстях; Нравоучение о слѣпотѣ блудника; Нравоучение о красотѣ души; Нравоучение о соли душевной; О наказании царя, иже отъят Сарру, с нравоучением; Нравоучение о странствии жизни [Дмитрий Ростовский, 1784, оглавление, [б. н.]].

Темы нравоучений «Келейного летописца» близки наставлениям, читаемым в ранних сочинениях Дмитрия Ростовского – «Чудах пресвятой и преблагословенной Девы Марии» и «Руне орошенном» (о грехах человеческих, страстях, покаянии). Однако в них есть одна важная составляющая: книга писалась в Ростове, в обстоятельствах, как мы отмечали выше, когда просвещение духовенства и паствы было одной из главных задач архиерея, и это не могло не сказаться на содержании его нравственно-духовных текстов. Отсюда и сюжеты нравоучений, вошедших в «Келейный летописец»: о благородстве, о зависти, о зле войны, о воспитании, о пьянстве, о земледелии, о служении священства и пастырях, о сновидениях, о десятине, о блудниках и браке и т. д. Таким образом, наставления касались не только общехристианских тем, они имели окказиональный характер, отражали обстоятельства, с которыми ростовский митрополит сталкивался в повседневной жизни. В этом Дмитрий Ростовский, представитель элиты, барочный литератор, «проводник западноевропейской культуры и латинской образованности» [Сазонова, с. 45], «барочный полонофил», который «не мог понять традиционалистов» [Панченко, с. 218], сближается с теми деятелями культуры, которые занимались просвещением паствы не в столичных, а в провинциальных храмах, например, с автором уникального сборника проповедей «Статир», созданного в конце XVII в. в Приуралье [Соболева, 2011]. Нравоучения «Келейного летописца» соотносятся не с текстами этого сборника, «связанными с христианским календарем, а с текстами “на случай”, обусловленными религиозно-житейскими потребностями» [Соболева, 2020, с. 256].

У обоих авторов много общего, их суждения и цели во многом близки. Святитель Дмитрий Ростовский пишет Стефану Яворскому:

...рѣдко хто от духовного чина вѣдает порядок историй быблийных, что когда дѣялося. Игумен един от тамошних спросил мене: “Когда Илия пророк был, по Рождествѣ ли Христовом или пред Рождеством?” И паки: “Маккавеи жили после апостолов, бо учитель их Елиазар на судици пред мучителем Апостолский и Евангелский цитовал словеса, яко надруковано в Прологу Московском августа 1?” И иньи многии меж духовным чином смѣху годнии слыхивалем дишкурси, якоже се: которим ножем свят. Петр усѣче Малхови ухо, тым послѣжде святой Илия порѣзал жерцов Вааловых, о *insensati Galatae* (неразумные галаты) [ГИМ. Синод. собр. № 81. Л. 3].

Автор сборника «Статир»¹² приводит свои наблюдения, созвучные словам ростовского митрополита:

А божественнаго Златоуста бесѣды его и нравоучения на Евангелие, и на Павловы послания, и на Дѣяния святых апостол зѣло неразумително не точию слышащим, но и чтущим, велми бо препросты страны сея жители, в нейже ми обитати, не точию мирян, но и от священник иностранным языком тая Златоустаго писания нарицаху [РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 411. Л. 5 об.].

Святитель Димитрий продолжает в том же письме местоблюстителю патриаршего престола:

...и для того хотел бым, аще бы поспѣшил Господь вашими святыми молитвами, въкратцѣ Быблийную историю подати таковым в вѣдение, книжкою не // зѣло великою, мѣрною, чтоб мог всяк недорого купити, и латво («обстоятельно»; перевод наш. – М. Ф.) о всѣх, яже в Быблиах, увѣдати историах, каковым идут порядком [ГИМ. Синод. собр. № 81. Л. 3].

Ему вторит проповедник «Статира»:

И по таковой винѣ аз грубый начах простѣшиа бесѣды издавати, ово устно, овоже написанием, и нача тупой мой ум и скверная душа от благодати Божия и от натвержения святых отец писания, нѣкия рѣчения приложати, якоже книга писания моего изъясляет [РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 411. Л. 5 об.].

Таким образом, «Келейный летописец» и сборник проповедей «Статир» имели одни те же дидактические цели, их авторы видели темноту и невежество клира и паствы, а их труды были направлены на просвещение прихода, на противостояние и преодоление его ду-

¹² Возможно, им был Потап Прокопиев Игольнишников. Споры об авторе этого сборника не утихают в научной литературе до сих пор, см.: [Мангилев, Соболева; Мудрова].

ховной необразованности («слово Божие проповѣдати не точию языком, но и пишущею рукою»), тем самым оба книжника отражали веяния эпохи накануне Нового времени. При этом святитель Димитрий Ростовский, будучи писателем культуры барокко, представителем латинской учености и схоластической риторики, о чем свидетельствуют в той или иной степени все его сочинения, являлся и одним из самых ярких духовных писателей и проповедников не только петровского времени, он не стал канувшим в Лету схоластом, а его учительная проповедь (устная и письменная) не была лишь назиданием, она имела и просветительский характер, то есть творчество Димитрия Ростовского занимало свою нишу в литературном процессе и имело завидную литературную судьбу.

Список литературы

- Адруг А. К.* Живопис Чернігова другої половини XVII – початку XVIII століть. 2-е вид. Чернігів : Видавництво Чернігівського ЦНП, 2013. 181 с.
- Антоний Радивилівський.* Огородок Марии Богородицы. Киев : Тип. Печер. лавры, 1676. 28, 128 л.
- БАН. Собр. Археографической комиссии. № 156.
- Болдинский во имя святой Троицы и пророка Божия Ильи мужской монастырь // Православная энциклопедия. М. : Церк.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2002. Т. 5. С. 646–647.
- Броджи Беркофф Дж.* «История во кратце» неросхимонаха Спиридона: опыт исследования в контексте европейской историографии XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время. М. : Индик, 1996. С. 201–215.
- Волков А. В.* «Келейный летописец» Димитрия Ростовского: источники текста и принципы работы автора : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. : [Б. и.], 2022. 25 с. ГИМ. Синод. собр. № 81, 147, 811.
- Димитрий Ростовский.* Чуда Пресвятой и Препоблагословенной Девы Марии. Новгород-Северский : Тип. архиепископская, 1677. 3, 48 л.
- Димитрий Ростовский.* Руно орошенное. Чернигов : Тип. Ильин. мон., 1683. 7, 88 л.
- Димитрий Ростовский.* Руно орошенное. Чернигов : Тип. Ильин. мон., 1697. 7, 106, 2 л.
- Димитрий Ростовский, митр.* Летопись иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовскаго, новоявленнаго чудотворца, сказующая вкратце деяния от начала миробытия до Рождества Христова, собранная от Божественнаго Писания из различных хронографов и историографов, греческих, славенских, римских, польских, еврейских и иных, с присовокуплением Келейной летописи сего же святого чудотворца. М. : Вольн. тип. И. Лопухина, 1784. XVI, 519 с.
- Димитрий Ростовский, митр.* Собрание разных поучительных слов и других сочинений святого Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, на шесть частей разделенное, с приложением Жития его, Духовной грамоты святого Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, и Надгробной : [в 6 ч.]. М. : Синод. тип., 1786. 868 с.
- Димитрий Ростовский, митр.* Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовскаго : в 5 т. М. : Синод. тип., 1839. Т. 1. 525 с.
- Димитрий Ростовский.* Руно орошенное / підгот. тексту, передмова та коментарі О. Тарасенка // Сіверянський літопис. 2009. № 1. С. 30–50. № 2–3. С. 206–227. № 4. С. 151–173.
- Иоанникий Галятовский.* Небо новое. Львов : Тип. М. Слезки, 1665. 8, 140 л.
- Иоанникий Галятовский.* Скарбница потребная и пожитечная всему свету. Новгород-Северский : Тип. архиепископская, 1676. 8, 28 с.

Кирилл Транквилион-Ставроецкий. Перло многоцветное. Чернигов : Тип. во владениях монастыря Елецкого, 1646. 180 л.

Кириченко О. В. «Келейный летописец» святителя Димитрия Ростовского // Келейный летописец святителя Димитрия Ростовского с прибавлением его жития, чудес, избранных творений и Киевского синопсиса архимандрита Иннокентия Гизеля. М. : Паломник, 2000. С. 26–29.

Комашко Н. И. Ильинская Черниговская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. М. : Церк.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2009. Т. 22. С. 360–365.

Круминг А. А. Книга святого Димитрия Ростовского «Руно орошенное» как литературный источник сюжетов в «Русских народных картинках» и иконописи // Филевские чтения : тез. конф. 16–19 мая 1995 года. М. : [Б. и.], 1995. С. 41–44.

Крылов А. О. Митрополит Димитрий Ростовский в церковной и культурной жизни России второй половины XVII – начала XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2014. 373 с.

Максимович И. П. Паломник киевский, или Путеводитель по монастырям и церквам киевским. Киев : Тип. Киево-Печер. лавры, 1842. 2, 106 с.

Мангилев П. И., прот., Соболева Л. С. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История : материалы II Всерос. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург : Информ.-изд. отдел ЕДС, 2014. С. 134–144.

Мудрова Н. А. Несколько замечаний об историческом контексте создания сборника «Статир» и личности его автора: по поводу статьи прот. П. Мангилева и Л. С. Соболевой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2 (10). С. 159–164.

Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Панченко А. М. Русская история и культура. СПб. : Азбука, 2000. С. 13–280.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. Н. Невоструева) : в 2 ч. М. : [Б. и.], 1970. Ч. 1. 211 с. РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 411.

РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4384; Собр. П. П. Вяземского. Q.269.

Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М. : Языки славян. культур, 2006. 894 с.

Соболева Л. С. Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8. Филология. С. 175–186.

Соболева Л. С. Гимн семейной любви и гармонии в рукописном сборнике проповедей конца XVII века // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 254–270. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.014.

Тарасов М. И. Теория текста и дискурса. Дискурс рассуждения : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2021. 284 с.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. М. : Сов. энцикл. : ОГИ, 1938. Т. 2. Л – Ояловеть. 1040 стб.

Федотова М. А. Проповеди Димитрия Ростовского: о проекте научного издания // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии. К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2020. С. 549–580. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).

Федотова М. А. Книги «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» и «Руно орошенное» Димитрия Ростовского // Археография и источниковедение Сибири. Вып. 40. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2022а. (В печати.)

Федотова М. А. Святитель Димитрий Ростовский. Житие, Служба, чудеса : Исследование и тексты. СПб. : Пушкинский Дом, 2022б. 560 с.

Athanasius Kalnofojyski. Teratourgema lubo cuda, ktore byly tak w samym swięto cudotwornym Monastyru Kiiowskim jako u w obudwu swiętych pieczarach. Київ : Drukarnia Kiiowopiczarska, 1638. 34, 322 л.

References

Adrug, A. K. (2013). *Zhivopis Chernigova drugoi polovini XVII – pochatku XVIII stolit'* [Painting of Chernihiv in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries]. 2nd Ed. Chernihiv, Vidavnistvo Chernigivs'kogo TsNP. 181 p.

Antonii Radivilovskii. (1676). *Ogorodok Marii Bogoroditsy* [Garden of Mary the Virgin]. Kiev, Tipografiya Pecherskoi lavry. 28, 128 p.

Athanasius Kalnofoyski. (1638). *Teratourgema lubo cuda, ktore byly tak w samym swięto cudotwornym Monastyru Kiiowskim jako y w obudwu swiętych pieczarach*. Kiiv, Drukarnia Kiiowopieczarskia. 34, 322 p.

BAN [Library of the Academy of Sciences]. *Sobranie Arkheograficheskoi komissii*. No. 156.

Boldinskii vo imya svyatoi Troitsy i proroka Bozhiya Il'i muzhskoi monastyr' [Holy Trinity and Prophet of God Elijah Boldin Monastery]. (2002). In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 5, pp. 646–647.

Broggi Bercoff, G. (1996). "Istoriya vo kratte" ieroskhimonakha Spiridona: opyt issledovaniya v kontekste evropeiskoi istoriografii XVII v. [*Brief History by Hieroschemamonk Spiridon: Research Experience in the Context of European Historiography of the 17th Century*]. In *Slavyane i ikh sosedi. Iss. 6. Grecheskii i slavyanskii mir v srednie veka i rannee novoe vremya*. Moscow, Indrik, pp. 201–215.

Dimitry Rostovsky, metropolitan. (1784). *Letopis' izhe vo svyatykh ottsa nashego Dimitriya, mitropolita Rostovskago, novoyavlennago chudotvortsya, skazyuyushchaya vkratse deyaniya ot nachala mirobytija do Rozhdestva Khristova, sobrannaya ot Bozhestvennago Pisaniya iz razlichnykh khronografov i istoriografov, grecheskikh, slavenskikh, rimskikh, pol'skikh, evreiskikh i inykh, s prisovokupleniem Keleinoi letopisi sego zhe svyatogo chudotvortsya* [The Chronicle of Our Father Dimitry, Metropolitan of Rostov, the Newly-Appeared Miracle Worker, Who Briefly Tells the Deeds from the Beginning of the World to the Nativity of Christ, Collected from the Holy Scripture from Various Chronographs and Historiographers, Greek, Slavic, Roman, Polish, Jewish, and Others, with the Addition of the *Cell Chronicle* This Same Holy Miracle Worker]. Moscow, Vol'naya tipografiya I. Lopukhina, XVI, 519 p.

Dimitry Rostovsky, metropolitan. (1786). *Sobranie raznykh pouchitel'nykh slov i drugikh sochinenii svyatogo Dimitriya mitropolita, rostovskago chudotvortsya, na shest' chastei razdelennoe, s prilozheniem Zhitiya ego, Dukhovnoi gramoty svyatogo Dimitriya mitropolita, rostovskago chudotvortsya, i Nadgrobnoi* [A Collection of Various Sermons and Other Writings of St Dimitry Metropolitan, Rostov Miracle Worker, Divided into Six Parts, with the Appendix of His Life, the Spiritual Letter of St Dimitry the Metropolitan, Rostov Miracle Worker, and Tombstone. 6 Parts]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya.

Dimitry Rostovsky, metropolitan. (1839). *Sochineniya svyatogo Dimitriya, mitropolita Rostovskogo v 5 t.* [Works of St Dimitry, Metropolitan of Rostov. 5 Vols.]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. Vol. 1. 525 p.

Dimitry Rostovsky, metropolitan. (2009). *Runo oroshennoe* [The Dewy Fleece] / text preparation, foreword, and comments by O. Tarasenko. In *Siveryans'kii litopis*. No. 1, pp. 30–50. No. 2–3, pp. 206–227; No. 4, pp. 151–173.

Dimitry Rostovsky. (1677). *Chuda Presvyatoi i Preblagoslovennoi Devy Marii* [Miracles of the Most Holy and Blessed Virgin]. Novgorod-Severskii, Tipografiya arkhiepiskopskaya. 3, 48 p.

Dimitry Rostovsky. (1683). *Runo oroshennoe* [The Dewy Fleece]. Chernigov, Tipografiya Il'inskogo monastyrya. 7, 88 p.

Dimitry Rostovsky. (1697). *Runo oroshennoe* [The Dewy Fleece]. Chernigov, Tipografiya Il'inskogo monastyrya. 7, 106, 2 p.

Fedotova, M. A. (2020). Propovedi Dimitriya Rostovskogo: o proekte nauchnogo izdaniya [The Sermons of Dimitry of Rostov: About the Scholarly Publication Project]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkhieografii. K 90-letiyu N. N. Pokrovskogo*. Novosibirsk, Institut istorii Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 549–580. (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri. Iss. 39).

Fedotova, M. A. (2022a). Knigi “Chuda presvyatoi i preblagoslovennoi Devy Marii” i “Runo oroshennoe” Dimitriya Rostovskogo [*The Miracle of the Most Holy and Blessed Virgin Mary and The Dew Fleece* by Dimitry Rostovsky]. In *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. Iss. 40. Novosibirsk, Institut istorii Sibirskogo otdeleniya RAN. (In print.)

Fedotova, M. A. (2022b). *Svyatitel' Dimitrii Rostovskii: Zhitie, Sluzhba, chudes: Issledovanie i teksty* [St Dimitry of Rostov: Life, Service, Miracles: Study and Texts]. St Petersburg, Pushkinskii Dom. 560 p.

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobranie. No. 81, 147, 811.

Ioannikii Galyatovskii. (1665). *Nebo novoe* [New Heaven]. L'vov, Tipografiya M. Slezki. 8, 140 p.

Ioannikii Galyatovskii. (1676). *Skarbnitsa potrebnaya i pozhitelnaya vsemu svetu* [The Necessary Treasury Useful to the Whole World]. Novgorod-Severskii, Tipografiya arkhiepiskopskaya. 8, 28 p.

Kirichenko, O. V. (2000). “Keleinyi letopisets” svyatitelya Dimitriya Rostovskogo [*The Cell Chronicle* of Dimitry Rostovsky]. In *Keleinyi letopisets svyatitelya Dimitriya Rostovskogo s pribavleniem ego zhitiya, chudes, izbrannykh tvorenii i Kievskogo sinopsisa arkhimandrita Innokentiya Gizelya*. Moscow, Palomnik, pp. 26–29.

Kirill Trankvillion-Stavrovetskii. (1646). *Perlo mnogotsvetnoe* [Multicoloured Pearls]. Chernigov, Tipografiya vo vladeniakh monastyrya Eletsckogo. 180 p.

Komashko, N. I. (2009). Il'inskaya Chernigovskaya ikona Bozhiei Materi [Ilyinskaya Chernihiv Icon of Mother of God]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnyaya entsiklopediya”. Vol. 22, pp. 360–365.

Kruming, A. A. (1995). Kniga svyatogo Dimitriya Rostovskogo “Runo oroshennoe” kak literaturnyi istochnik syuzhetov v “Russkikh narodnykh kartinkakh” i ikonopisi [St Dimitry Rostovsky's *The Dew Fleece* as a Literary Source of Plots in *Russian Folk Pictures* and Icon Painting]. In *Filevskie chteniya. Tezisy konferentsii 16–19 maya 1995 goda*. Moscow, S. n., pp. 41–44.

Krylov, A. O. (2014). *Mitropolit Dimitrii Rostovskii v tserkovnoi i kul'turnoi zhizni Rossii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII vv.* [Metropolitan Dimitry of Rostov in the Church and Cultural Life of Russia in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 373 p.

Maksimovich, I. P. (1842). *Palomnik kievskii, ili Putevoditel' po monastyryam i tserkvam kievskim* [Kyiv Pilgrim, or Guide to Kyiv Monasteries and Churches]. Kyiv, Tipografiya Kievo-Pecherskoi lavry. 2, 106 p.

Mangilev, P. I., prot., Soboleva, L. S. (2014). Istoricheskii kontekst sozdaniya sbornika propovedei “Statir” i lichnost' avtora [The Historical Context of the Creation of the *Statir* Collection of Sermons and the Identity of the Author]. In *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii (Ekaterinburg, 12 fevralya 2014 g.)*. Yekaterinburg, Informatsionno-izdatel'skii otdel Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii, pp. 134–144.

Mudrova, N. A. (2015). Neskol'ko zamechaniy ob istoricheskom kontekste sozdaniya sbornika “Statir” i lichnosti ego avtora: po povodu stat'i prot P. Mangileva i L. S. Sobolevoi [A Few Remarks about the Historical Context of the Creation of the *Statir* Collection and the Identity of Its Author: Regarding the Article by P. Mangilev and L. S. Soboleva]. In *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. Iss. 2 (10), pp. 159–164.

Panchenko, A. M. (2000). Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform [Russian Culture on the Eve of Petrine Reforms]. In Panchenko, A. M. *Russkaya istoriya i kul'tura*. St Petersburg, Azbuka, pp. 13–280.

Protas'eva, T. N. (1970). *Opisanie rukopisei Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisanie A. V. Gorskogo i K. N. Nevostrueva) v 2 ch.* [Description of the Manuscripts of the Synodal Collection (not Included in the Description by A. V. Gorsky and K. N. Nevostruev). 2 Parts]. Moscow, S. n. Part 1. 211 p.

RGB [Russian State Library]. Stock 256. Sobranie N. P. Rumyantseva. No. 411.

RNB [Russian National Library]. Sobranie A. A. Titova. No. 4384; Sobranie P. P. Vyazemskogo. Q.269.

Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary Culture of Russia. Early Modern Time]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 894 p.

Soboleva, L. S. (2011). Avtorskii kod rukopisnogo sbornika "Statir" (Orel-gorodok, 1683–1684 gody) [The Author's Code of the Handwritten Collection *Statir* (Orel-Gorodok, 1683–1684)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya*. Vol. 10. Iss. 8: Filologiya, pp. 175–186.

Soboleva, L. S. (2020). Gimn semeinoi lyubvi i garmonii v rukopisnom sbornike propovedei kontsa XVII veka [A Hymn to Family Love and Harmony in a Manuscript Collection of Sermons from the End of the 17th Century]. In *Dialog so vremenem*. No. 73, pp. 254–270. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.014.

Tarasov, M. I. (2021). *Teoriya teksta i diskursa. Diskurs rassuzhdeniya. Uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Theory of Text and Discourse. Discourse of Reasoning. Textbook and Workshop for Universities]. Moscow, Yurait. 284 p.

Volin, B. M., Ushakov, D. N. (Eds.). (1938). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. 4 Vols.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, OGI. Vol. 2. L – Oyalovet'. 1040 columns.

Volkov, A. V. (2022). "Keleinyi letopisets" Dimitriya Rostovskogo: istochniki teksta i printsipy raboty avtora [The Cell Chronicle of Dimitry Rostovsky: Sources of the Text and Principles of the Author's Work]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. St Petersburg, S. n. 25 p.

The article was submitted on 13.06.2022